

МѢСЯЦЪ ПЛѢНА У БОГАНЦЕВЪ.

Сочиненіе

Николая Стѣверцова.

СЪ КАРТОЮ НИЗОВЬЕВЪ СЫРЬ-ДАРЬИ.

Изданіе Графа Кушелева-Безбородко.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

въ типографіи Рюмина и Комп.

1860.

МѢСЯЦЪ ПЛѢНА У КОКАНЦЕВЪ.

Mĕsiats plĕna u Kokantsev/

СОЧИНЕНІЕ

Николая Сѣверцова.

Severtsov

СЪ КАРТОЮ НИЗОВЬЕВЪ СЫРЬ-ДАРЬИ.

Изданіе Графа Кушелева-Безбородко

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ РЮМИНА И КОМП.

1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 23 Марта 1860 года.

Ценсоръ *А Ярославцовъ.*

МѢСЯЦЪ ПЛѢНА У КОКАНЦОВЪ.

(Посвящается моимъ двумъ освободителямъ, генералу Данзасу и
О. Я. Осмоловскому.)

Коканцы — должно быть жители Кокана. Гдѣ же Коканъ? что это такое? Вотъ вопросы, которые я часто слышалъ отъ будущихъ читателей этой статьи; начинаю слѣдующимъ отвѣтомъ на нихъ, и скажу, что такое Коканъ.

Это средне-азиатское ханство *), занимающее область верховьевъ Сыр-Дарьи, и названное по имени своего главного города; его сѣверная граница, вдоль рѣки Чу, прилегаетъ къ Голодной Степи, бесплоднѣйшей пустынѣ, безводной, неудобной для кочевья, отдѣляющей Коканъ отъ киргизской степи сибирскаго вѣдомства.

*) Свѣдѣнія о Коканѣ немногочисленны и разбросаны; сводъ ихъ, до 1834 года, есть у Риттера, въ его классическомъ трудѣ объ Азіи (второе изданіе, книга 3-я, часть 7-я, глава VI, страницы 728—784); о сѣверо-западной части Кокана, бывшемъ ташкентскомъ ханствѣ, въ поѣздкѣ Поспѣлова и Бурнашева въ Ташкентъ (Вѣстникъ Географическаго Общества, 1851, книга I); позднѣйшія свѣдѣнія — въ томъ же Вѣстникѣ, 1856 года, въ статьѣ г. Вельяминова-Зернова о Коканѣ, содержащей возможно-полное и удовлетворительное описаніе нынѣшняго положенія ханства и историческій очеркъ, и въ статьѣ о плѣнѣ трехъ сибирскихъ козаковъ въ Коканѣ. Торговлю Ташкента съ Россіей излагаютъ г. Небольсинъ, въ X книгѣ Записокъ Географическаго Общества. Свѣдѣнія о господствѣ киргизовъ въ Туркестанѣ, въ XVIII вѣкѣ, есть въ описаніи киргиз-казаковъ, Левшина, ч. II; о ихъ владычествѣ въ Ак-Мечети, въ статьѣ г. Макшеева о Сыр-Дарьѣ, Морской Сборникъ, 1857, февраль.

Такимъ образомъ, коканцы наши сосѣди; это обстоятельство должно возбудить участие читателя, тѣмъ болѣе, что они съ нами по сосѣдски и въ ссорѣ, изъ за-участка земли, что объясню въ свое время, а теперь прошу взглянуть на карту, и осмотрѣть остальные границы Кокана. Съ востока, китайскій Туркестанъ, отдѣляемый отъ Кокана хребтомъ Болор-тагъ, съ юга, хребетъ Ак-Тау, отдѣляющій Коканъ отъ Бухары, съ западу песчаная пустыня Кызыл-Кумъ, до Сыр-Дарьи, а на сѣверъ отъ Сыр-Дарьи положительной границы нѣтъ между коканскими и русскими владѣніями, а есть нейтральное пространство верстъ во 180-тъ между крайними коканскими и русскими поселеніями. Коканцы западную половину этого пространства признаютъ нашей, восточную своей.

Ограниченное такимъ образомъ пространство, съ древнихъ временъ весьма мало извѣстно въ исторіи. Тутъ колыбель индо-европейскаго племени, предѣлъ завоеваній Кира и Александра, и коканскіе сарты, или коренные жители, происходятъ отъ покоренныхъ ими туземцовъ. И часто еще и послѣ были покорены эти бѣдные сарты: арабами, тюрками, монголами, наконецъ господствующими теперь узбеками *), изгнавшими потомка Тамерлана, малолѣтняго хана Бабера, впослѣдствіи завоевателя Индіи, въ началѣ XVI вѣка.

Съ тѣхъ поръ, юго-восточная половина ханства, съ городомъ Коканъ, принадлежала узбекамъ; сѣверо-западная половина, съ торговымъ центромъ сыр-дарьинскаго бассейна, Ташкентомъ, составляла ташкентское ханство, принадлежавшее то узбекамъ, то киргизъ-казакамъ; послѣдніе и теперь составляютъ большинство населенія этой области. Туркестаномъ и окрестными степями они владѣли во все продолженіе XVIII вѣка; не рѣдко занимали и Ташкентъ. Въ 1778 году Туркестаномъ владѣлъ Аблай-Ханъ киргизскій, принявшій, задолго до того времени, русское подданство. Послѣ его

*) Тюрко-монгольскимъ племенемъ, помѣстно образовавшимся, какъ и наши киргизы, вслѣдствіе чингис-хановыхъ походовъ. Только теперь узбеки въ Коканѣ, по своей малочисленности и бракамъ съ сартами, приняли кавказскій обликъ.

смерти Туркестаномъ завладѣли бухарцы; въ 1799 году занялъ этотъ городъ ташкентскій ханъ, узбекъ Юнусъ-Ходжа, покорившій всѣ племена нынѣшнихъ коканскихъ киргизовъ. Но въ то-же время и коканскій ханъ Норбута-Бій распространялъ свои владѣнія; напавши на Ташкентъ, онъ былъ побѣжденъ, захваченъ и казненъ. Въ 1805 году, сынъ казеннаго хана покорилъ Ташкентъ, чѣмъ коканское ханство получило свои нынѣшніе предѣлы.

Сношенія этого ханства съ Россіей довольно долго были мирныя; еще въ 1829 году было въ Петербургѣ коканское посольство, и до 1853 года ходили въ Ташкентъ русскіе прикащики. Но въ то-же время коканскіе киргизы грабили нашихъ, т. е., грабили болѣе бѣглецы изъ русскихъ же киргизовъ, укрывшіеся въ Коканъ, нападали и на нашихъ сибирскихъ казаковъ. Сами коканцы настроили крѣпостей (изъ которыхъ главная была Ак-Мечеть) въ зимовкахъ нашихъ киргизовъ на Сыр-Дарьѣ; гарнизоны этихъ крѣпостей, вообще малочисленные (самый сильный, въ Ак-Мечети, не болѣе трехсотъ человекъ) назначались почти единственно для незаконныхъ поборовъ съ зимующихъ на Дарьѣ русскихъ киргизовъ, и для поборовъ же съ бухарскихъ каравановъ, торгующихъ съ Россіей, а продовольствовались на счетъ сыр-дарьинскихъ киргизовъ — исенчей, или земледѣльцевъ. Сверхъ того, эти крѣпости, какъ и всѣ пограничныя крѣпости средне-азиатскихъ владѣній, служили убѣжищами и складочными мѣстами разбойничьимъ шайкамъ изъ киргизовъ, подвластныхъ Кокану.

Послѣ взятія Ак-Мечети, переименованной въ фортъ Перовскій, и двукратнаго пораженія коканскихъ войскъ, посланныхъ обратно завладѣть ею, въ 1853 году, были покинуты коканцами всѣ укрѣпленія на западѣ отъ Ак-Мечети, а на востокѣ отъ нея Мама-Сентъ-Курганъ и Джулекъ. Этимъ, разумѣется, кончились поборы, производившіеся изъ коканскихъ крѣпостей, набѣги ограничились окрестностями форта Перовскій, а вражда коканцовъ къ русскимъ усилилась. Впрочемъ, набѣги производились малыми шайками, и не было примѣра, чтобы такая шайка потревожила русскій отрядъ, или даже приблизилась къ нему. Коканскіе набѣдники ограничи-

вались нападеніями на беззащитные аулы, и угономъ скота; наши киргизы платили имъ тѣмъ-же.

Послѣ взятія Ак-Мечети, ташкентскіе караваны еще ходили въ Троицкъ и Петропавловскъ, а русскіе купцы, прежде торговавшіе въ ханствѣ, перестали туда ѣздить.

Таковы были наши отношенія къ Кокану, когда я, по порученію императорской академіи наукъ, прибылъ на Сыр-Дарью, для зоологическихъ изслѣдованій.

I.

Мѣстоположеніе форта Перовскій. — Дорога въ Коканъ. — Экскурсія къ Джулеку. — Весна на Сыр-Дарьѣ.

Особенно богатую зоологическую добычу обѣщали мнѣ лѣсистыя мѣста и разливы Сыр-Дарьи, отъ форта Перовскій вверхъ, по направленію къ Джулеку; отсюда я думалъ пробраться, если только возможно, на почти совершенно неизвѣстный хребетъ Кара-Тау, котораго западная оконечность всего въ восьмидесяти верстахъ отъ форта Перовскій. Эти мѣста считались опасными отъ кокандовъ; но именно въ то время, въ половинѣ апрѣля, были въ фортѣ Перовскомъ получены извѣстія, что опасность миновалась: подвластные Кокану киргизы возмущались въ восточной части ханства, и осаждали крѣпость Аульѣ-та; туда сосредоточивались коканскія войска, а въ западной части ханства оставались только слабые гарнизоны, не выходящіе изъ городовъ и укрѣпленій. Въ этой западной части киргизы были покойны, но болѣе расположенные къ русскимъ, нежели къ коканцамъ. Только ихъ, киргизовъ, можно было встрѣтить на Кара-Тау, а близъ Дарьи, между фортомъ Перовскимъ и коканской крѣпостью Яны-Курганъ (на востокъ отъ Джулека, въ двухстахъ верстахъ отъ форта Перовскій) — никого, кромѣ мирнаго киргизскаго отшельника у могилъ Охчу, близъ Джулека, считае­мыхъ святыми.

Такія обстоятельства должны были казаться весьма благопріятными для предполагаемой экскурсіи; но сверхъ того шелъ еще вверхъ по Дарьѣ отрядъ, посланный рубить мел-

кій строевой лѣсъ для форта: рота пѣхоты, пятьдесятъ казаковъ *).

Наконецъ, бухарскій эмиръ угрожалъ Кокану. Стѣсненные такимъ образомъ, коканцы должны были избѣгать русскаго вмѣшательства въ ихъ дѣла, слѣдовательно и непріязненныхъ дѣйствій противъ насъ.

Но, такъ какъ только-что объясненная безопасность экскурсіи была только вѣроятна, а не совершенно вѣрна, я рѣшился быть при посланномъ вверхъ по Дарьѣ отрядѣ, слѣдовать его переходамъ, а во время дневокъ для рубки лѣса охотиться около его лагеря. Поѣздка же на Кара-Тау должна была зависѣть отъ дальнѣйшихъ извѣстій, какія могли быть получены уже въ отрядѣ, на мѣстахъ рубки, отъ нашихъ киргизовъ, имѣвшихъ сношенія съ каратаускими, — такъ какъ многіе тамошніе перекочевали въ русскіе предѣлы, но продолжали видѣться съ родичами, оставшимися на прежнихъ кочевьяхъ, въ коканскомъ подданствѣ.

Такое рѣшеніе было скорѣе осторожно, чѣмъ беззаботно-дерзко, да и въ исполненіи, какъ читатель увидитъ, я не полагался на авось.

Я зналъ положительно, и всѣ послѣ плѣна, собранныя свѣдѣнія это подтвердили, что до тѣхъ поръ, до апрѣля 1858 года, коканцы весьма избѣгали встрѣчи съ русскими отрядами, даже и на двадцать верстъ къ нимъ не подходили. Это было замѣчено еще въ мартѣ 1858, когда (что ежегодно бываетъ) русскій отрядъ, выставленный въ восьмидесяти верстахъ отъ форта, прикрывалъ перекочевку нашихъ киргизовъ, съ ихъ дарьинскихъ зимовокъ на сѣверъ.

Пораженія, нанесенныя русскими коканцамъ въ 1853 г., когда наши сотни разбивали ихъ тысячи, сильно устрашили ихъ, и они еще ничѣмъ не показывали, чтобы безуспѣшныя погони нашихъ отрядовъ за ихъ хищниками, разсѣяли этотъ страхъ.

*) Можетъ быть и меньше; точной цифры не помню, но въ итогѣ не менѣе ста человѣкъ.

Мнѣ первому довелось узнать горькимъ опытомъ, что коканцы уже успѣли ободриться, относительно нашихъ отрядовъ.

Для поясненія дальнѣйшаго разсказа, нужны нѣкоторыя топографическія подробности.

Фортъ Перовскій построенъ на правомъ, или сѣверномъ берегу Сыръ-Дарьи, которая и выше и ниже форта представляетъ разливы, образующіе акмечетскій островъ: фортъ находится въ одинаковомъ почти разстояніи отъ верхнихъ и отъ нижнихъ разливовъ.

Верхніе разливы называются Бир-Казанъ, и направляются отъ Дарьи къ сѣверо-западу. Начало ихъ—довольно глубокій протокъ, съ однимъ только бродомъ, извивающійся въ лѣсистыхъ болотахъ; далѣе вода уже стоячая — озера и камышевыя болота, верстъ на двадцать пять, дугой, по низинамъ между песчаными барханами. Изъ Бир-Казана вода пробирается по соленымъ низинамъ между барханами, къ слѣдующему нижнему разливу: но теченіе медленно, протоки часто засоряются иломъ и превращаются въ ряды солоноватыхъ озеръ, которыхъ промежутки высыхаютъ. Половодье размываетъ русло до нижнихъ разливовъ то тому, то другому изъ нихъ, черезъ пяти-верстный низкій перешеекъ между обоими главными разливами, а въ малую воду эти русла засыхаютъ, заносятся пылью, и акмечетскій островъ становится полуостровомъ.

Ниже форта, верстахъ въ пятнадцать, выходитъ изъ Дарьи Караузьякъ, съ самого начала образующій разливы и текущій въ затопленныхъ камышистыхъ берегахъ. Правый берегъ этихъ разливовъ, постоянно разширяющихся, по мѣрѣ удаленія отъ Дарьи, направляется къ сѣверо-востоку и приближается къ Бир-Казану, съ которымъ, какъ мы видѣли, иногда и соединяется; оттуда этотъ берегъ поворачиваетъ къ сѣверу, и, наконецъ, верстахъ въ семидесяти отъ форта, къ сѣверо-западу, параллельно рѣкѣ. Разливы Караузьяка называются Бабастьинъ-Куль.

Такимъ образомъ, акмечетскій островъ образуетъ треугольникъ, которому основаніемъ служитъ Дарья. У вершины, на перешейкѣ между Бир-Казаномъ и Бабастынъ-Кулемъ, построено наше, весьма незначительное укрѣпленіе, бишарнинскій постъ; въ восточномъ углѣ — такое же, бирюбаевскій постъ, на Дарьѣ, у выхода Бир-Казана.

Эти укрѣпленія прикрываютъ выходы на островъ дорогъ изъ крайняго коканскаго укрѣпленія, Яны-Курганъ, черезъ перешеекъ и черезъ бродъ на Бир-Казанъ. Бирюбая коканская шайка, если пойдетъ по дорогѣ черезъ Бир-Казанъ, миновать не можетъ: почему онѣ и обходятъ разливы Бир-Казанъ по дорогѣ, за это названной разбойничьей, и пробираются на островъ мимо Бишарны.

На востокъ отъ Бир-Казана нѣтъ уже для коканскаго набѣга никакихъ естественныхъ преградъ, до самого Ташкента. Поэтому и земледѣльческое населеніе праваго берега Сыръ-Дарьи, между Яны-Курганомъ и окрестностями форта № 1, уже недалекими отъ устья, на пространствѣ слишкомъ пяти сотъ верстъ, ограничивается акмечетскимъ островомъ, хотя и есть на этомъ пространствѣ много мѣстъ не менѣе, или даже болѣе удобныхъ для заселенія. Чтобы заселить эти мѣста киргизскими исенчами и обирать ихъ, коканцы запрудили выходъ Яны-Дарьи, рукава Сыра, выходящаго верстъ восемь ниже форта Перовскій, и текущаго къ юго-западу; такимъ образомъ они лишили пашни по Яны-Дарьѣ необходимаго въ такомъ сухомъ климатѣ орошенія и заставили тамошнихъ земледѣльцевъ перейти на Сыръ-Дарью, между Яны-Курганомъ и Ак-Мечетью. По взятіи же Ак-Мечети русскими, киргизы прорвали плотину на Яны-Дарьѣ, теченіе этого протока возобновилось, и киргизы перешли на Джаны-Дарью, покидая берега Сыра, подверженные коканскимъ набѣгамъ. И вотъ почему пространство между Бирюбаемъ и Яны-Курганомъ, теперь населено однимъ, уже упомянутымъ отшельникомъ у могилъ Охчу.

А на этомъ пространствѣ сто тысячъ осѣдлыхъ жителей, могли бы помѣститься гораздо просторнѣе, нежели осѣдлое населеніе бухарскихъ и хивинскихъ владѣній!

Передъ отъѣздомъ въ степь, я встрѣтилъ въ Петербургѣ офицера, возвратившагося съ Сыръ-Дарьи, и спрашивалъ его объ томъ краѣ. Онъ говорилъ съ восторгомъ о могучей, полноводной, быстрой рѣкѣ, объ ея зеркальныхъ разливахъ, отражающихъ безоблачное, темно-голубое и все-таки ярко свѣтящееся небо и ослѣпительное солнце юга. Сильная, свѣжая растительность окружаетъ эти разливы, тихо шепчутся надъ ними громадные камыши, съ гибкими лозами тальника, съ темной зеленью тополя, съ мелкой, серебристой листвою джиды, изящною сѣткой рисуемой на прозрачной, хотя и густой синевѣ неба. А какъ чистъ и легокъ весенній воздухъ! звучнѣе, чѣмъ у насъ, раздается уже въ началѣ апрѣля голосъ соловья въ покрытыхъ молодой зеленью, усѣянныхъ нѣжно розовыми, крупными цвѣтами чащахъ колючки. А причудливыя формы саксаула, у котораго вмѣсто листьевъ пучки тонкихъ, желто-зеленыхъ, сочныхъ вѣтокъ, или гребенщика, то-же съ зеленѣющими, мелкими вѣтвями, но уже не прямыми, какъ у саксаула, а бесконечно развѣтвленными, чешуйчатыми, какъ у кипариса и до того частыми, что весь кустъ — сплошная масса темной зелени, съ огромными пушистыми кистями пурпурныхъ цвѣтовъ. А животная жизнь! такъ и кипитъ на этихъ цвѣтущихъ берегахъ. Что за разнообразіе, что за множество птицъ! на каждомъ шагу съ шумомъ вылетаетъ фазанъ изъ колючки, и блещетъ на солнцѣ радужными, металлическими отливами, рѣзвятся въ тепломъ, живительномъ воздухѣ стада изумрудныхъ персидскихъ шутокъ, величаво парятъ надъ Дарьей орлы-рыболовы, въ пышномъ нарядѣ юга, густо-каштановые, съ палевой головой, бархатно-черными крыльями и хвостомъ, на которомъ такъ и свѣтится широкая, бѣлоснѣжная полоса... да не перечесть всѣхъ сыръ-дарьинскихъ птицъ, даже и тѣхъ, на которыхъ невольно остановится и глазъ непосвященнаго въ тайны зоологіи, каковъ былъ этотъ офицеръ.

Да и не однѣ птицы! Тутъ и звѣри не нашимъ чета. Прекрасенъ и грозенъ, могучъ и неуловимо-проворенъ, какъ восточный удалецъ-наѣздникъ, кроется въ чащахъ сыръ-дарьинской долины тигръ, сторожа неуклюжаго кабана, статнаго оленя, или черноглазую красавицу, стройную, воздушно-

легкую дикую козу, родную сестру воспѣтой арабскими поэтами газели.

Такъ онъ описывалъ, а я слушалъ и заранѣе радовался тому, что ѣду въ этотъ рай земной для натуралиста вообще и для зоолога, специально занятого позвоночными, въ-особенности. Конечно, я видѣлъ, что этотъ офицеръ отчасти восторженнаго характера; но правдивъ, и въ его описаніи не было ничего выдуманнаго, а все оправдалось на дѣлѣ, когда я пріѣхалъ на Дарью.

А между тѣмъ возбужденныя имъ ожиданія были отчасти обмануты, тѣмъ, что земной рай натуралиста показался мнѣ некрасивымъ.

Тому были причины, отчасти случайныя. Офицеръ особенно живо помнилъ весну 1855 года, про которую и я слышалъ единогласный отзывъ сыр-дарьинскихъ жителей, что она слѣдовала за необыкновенно теплой для того края, почти италіанской зимой, и сама была замѣчательно хороша, умѣренно-теплая, ясная, съ перепадавшими дождями, что заставляло дружно разцвѣсти всю растительность.

А зима съ 1857 на 1858 г. была бурная, и такая холодная, что киргизскіе старожилы подобной и не запомнятъ.

Морозы съ октября превышали десять градусовъ, съ ноября 15°, а въ январѣ доходили и до 25°, такъ что *средняя* температура этого января была одиннадцать съ половиною градусовъ, какъ въ Архангельскѣ, слѣдовательно несравненно холоднѣе Петербурга (— 7,3), даже Вологды (— 8,5) и Казани (— 10,9).

Весна началась рано, въ февралѣ, но шла вяло, и какъ-то скупое и нерѣшительно разсыпала цвѣты: это была сухая, холодная весна. Снѣгъ сошелъ въ февралѣ, а ночные морозы до апрѣля сохраняли зимній, мертвенный видъ растительности, а потомъ, какъ уже сказано, и листья и цвѣты являлись на каждомъ деревѣ исподволь, очень медленно, и по мѣрѣ появленія увядали отъ засухи.

Вездѣ проглядывала весьма некрасивая почва: сыпучій песокъ, или грязнаго цѣта илъ, сухой и истресканный; пыль слишкомъ часто стояла въ воздухѣ, и пачкала все: и распу-

скающуюся зелень, и цвѣты, и даже безоблачную синеву неба.

Но и при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, мѣстность такова, что особенности сыр-дарьинской природы только въ памяти группируются въ полную изящную картину, поразительную своимъ разнообразіемъ. Этого-то пѣлаго глазъ и не окинетъ; глазу, на мѣстѣ, представляются только отдѣльныя черты — почему сыр-дарьинская природа кажется однообразной. Въ окрестностяхъ форта Перовскій, коли попадешь въ колючку, такъ ужъ больше ничего и не видно; въ саксаульникѣ — одинъ саксаулъ, да грязно-сѣрый, солоноватый илъ между деревьями; также однообразны и заросли гребенщика, и песчаные барханы, и камышевые разливы. Всего лучше, по разнообразію растительности, прибрежныя джидовыя роши.

Также и на счетъ животныхъ. Каждого рода мѣстность, однообразная уже сама по себѣ, вслѣдствіе того отличается еще однообразиемъ, бѣдностью формъ своего животнаго населенія, что досаждало на охотѣ и меня и моихъ спутниковъ. Только осматривая коллекцію мы могли видѣть, что берега Дарьи, въ общемъ итогѣ, необыкновенно богаты различными породами животныхъ: хотя каждый родъ мѣстности и бѣденъ ими, да родовъ мѣстности много.

На счетъ животныхъ замѣчу еще, что на виду держатся только весьма немногія породы птицъ; а огромное большинство ихъ, и всѣ звѣри, отъ тигра и оленя до мыши, превосходно прячутся, что еще усиливаетъ обманчивое впечатлѣніе зоологической бѣдности на берегахъ Дарьи.

Зима 1858 г. погубила, наконецъ, большинство фазановъ своими морозами. Осенью 1857 г. я ихъ видѣлъ еще пропасть, а на слѣдующую весну весьма мало. За то много нашлось замерзшихъ.

А со всѣмъ тѣмъ, я здѣсь повторяю и помню только слова, которыми на мѣстѣ выражалъ свои впечатлѣнія отъ сыр-дарьинской природы, — а самыя впечатлѣнія исчезли.

За то часто передо мной вѣзникаетъ согласный съ описаніемъ упомянутаго офицера общій, прекрасный образъ сыр-дарьинской долины, и не по одиначкѣ, какъ на мѣстѣ,

а всё вмѣстѣ, ясно и отчетливо представляются мнѣ оригинальныя подробности этого, въ высшей степени замѣчательнаго края.

А на чемъ-то я остановился въ своемъ разсказѣ? или еще не началъ?

Да, былъ посланъ отрядъ вверхъ по Дарьѣ, нарубить джиды и тополей на постройки.

Нѣкоторыя занятія удержали меня въ фортѣ, такъ что я неуспѣлъ отправиться съ отрядомъ, а отпавился дня три спустя, 20-го апрѣля, обойти акмечетскій островъ, и догнать отрядъ за протокомъ Бир-Казанъ.

Эта экскурсія была рядомъ мелкихъ неудачъ. Нужны были два верблюда, но зимующіе подъ Акмечетью Киргизы откочевали; нашелся одинъ только верблюдъ, и то плохой. Мои десять конвойныхъ казаковъ нагрузили лошадей, и вожакъ-киргизъ повелъ насъ отыскать и нанять еще верблюда.

Оставались только похудѣвшіе зимой, или верблюдицы съ маленькими верблюжатами; и тѣхъ и другихъ киргизы откармливали и заправляли на сыр-дарьинскихъ пастбищахъ, пока еще не выросли лѣтнія травы, вредныя для верблюдовъ. Но они собирались скоро откочевать на лѣто въ степь, и, избѣгая задержки, прятали верблюдовъ между барханами, и уклонялись отъ обязанности отдавать ихъ въ наймы по казенной надобности.

Мы выступили уже по-полудни, и проискали верблюда до вечера, а нашли уже послѣ захожденія солнца. Солнце зашло въ тучи, которыя быстро набѣгали на небо; скоро темнота сдѣлалась такъ густа, что не видно было ни на шагъ впередъ. Полилъ проливной дождь; промокнуши до костей, мы остановились ночевать въ первомъ попавшемся киргизскомъ аулѣ, гдѣ, по киргизскому обычаю, насъ всѣхъ безпрекословно размѣстили по кибиткамъ, и не потому, чтобы они боялись казаковъ, а именно по обычаю гостепріимства. Точно также они, какъ я видалъ и прежде, и послѣ, принимаютъ и всякихъ путниковъ, что я, можетъ быть, подробнѣе

опишу, вмѣстѣ съ другими обычаями киргизовъ, въ другой статьѣ.

На другой день мы пошли на бишарнинскій постъ, весь день охотились, и ночевали въ барханахъ, между Бишарной и Бирюбаемъ, у болотъ, которыя многими рядами идутъ отъ Бир-Казана къ Бабастын-Кулю, какъ уже сказано. Рѣчь о способахъ степнаго похода, о походной жизни, о томъ, какъ и почему она принимаетъ сильный отпечатокъ туземнаго кочеваго быта, я то-же отлагаю до другаго раза.

На третій день, пришедши въ Бирюбай, около полудня, я почувствовалъ лихорадку, и довольно жестокий припадокъ, что заставило меня ночевать тамъ. Дѣйствіе весенняго дождя уже было видно въ этотъ день, и еще яснѣе оказалось въ слѣдующіе. Быстро одѣвались молодой, кратковременной зеленью песчаные барханы; живѣе и обильнѣе распускались листья и цвѣты.

Но рѣдки дожди въ окрестностяхъ форта Перовскій. Послѣ этого, бывшаго 20-го апрѣля, былъ одинъ въ маѣ, какъ мнѣ сказывали; одинъ 2-го іюля, а за тѣмъ два самыхъ незначительныхъ, не прибавившихъ и пыли, 13-го августа ночью и 1-го сентября утромъ. А я слышалъ отъ жителей, что обыкновенно лѣтнихъ дождей бываетъ и того меньше.

Выѣхавши изъ Бирюбая, мы ѣхали по болотистой низинѣ, заливаемой при каждомъ повышеніи воды въ Дарьѣ. Не весело смотрѣло это болото, грязное, голое, безтравное, съ рѣдкими, корявыми кустиками гребенщика и саксаула. Между кустами виднѣлись частые солонцы: запачканныя накипи разныхъ солей магнезій. А птицъ было не мало въ этомъ гадкомъ кустарникѣ: обстоятельство, украшавшее его въ моихъ глазахъ, хотя, по причинѣ нездоровья, я лучше видѣлъ недостатки, нежели красоты пейзажа.

У протока Бир-Казанъ прекращаются солоноватые болота, и онъ вьется между джидовыми рощами, перемежающимися съ колючкой. За протокомъ, саженьяхъ во ста, построена коканская крѣпостца Мамаситъ - Курганъ, теперь пустая.